

И вновь Славкенберг услышал слова инквизитора Федора Карамазова, и люди познали страх, ибо безумный инквизитор заявил, что за их грехи весь их мир сгорит. Инквизитор все еще вел трансляцию со своего корабля, подробно описывая механику Экстерминатуса, иногда разглагольствуя о предполагаемых грехах, совершенных планетой против Бога-Императора, что оправдывали столь тотальное уничтожение. К этому моменту большинство уже перестало слушать, за исключением горстки несчастных, что были либо вынуждены делать это по долгу службы, либо из болезненного любопытства, насколько далеко в безумие мог погрузиться предполагаемый слуга Трона Терры.

На этот раз не последовало речи от Каина, лишь краткое публичное объявление Совета Освобождения возвращении их лидера в Кайнополь, о существовании плана помешать имперскому безумцу уничтожить планету, и от том что все должны успокоиться и сотрудничать с властями. Сообщение было коротким и без каких-либо подробностей о том, как именно могло свершиться это чудо.

И все же паники не было. По всей планете работа остановилась, поскольку люди вернулись в свои дома, чтобы побыть со своими близкими на случай худшего. Храмы переполнялись сотнями тысяч человек, что шли туда молиться: некоторые — новым богам, о которых их учили, некоторые — далекому Императору, который, как они до сих пор отказывались верить, бросил их за то, что они осмелились мечтать о лучшем будущем, а кто-то — всем, кто мог их услышать, обещая заплатить любую цену, лишь бы их близкие были в безопасности. Но больше всего они молились своему герою, своему защитнику: Освободителю, чтобы он вновь избавил их от опасности.

К тому времени, как транспорт приземлился на посадочной платформе бывшего губернаторского дворца, ужас, что я испытал при заявлении Карамазова о своем намерении подвергнуть Славкенберг Экстерминатусу, сменился невнятным испуганным голосом в глубине моего сознания, который я мог при желании игнорировать. Конечно, единственная причина, по которой я все еще не кричал и не бежал в направлении самой глубокой норы, которую только мог найти (не то, чтобы это помогло), заключалась в том, что сразу после начала передачи Карамазова со мной связался Джафар и сказал мне, что он и Кристабель разработали план по спасению планеты, который требовал моего и Юргена присутствия в штаб-квартире Совета.

Я уже хотел расспросить о деталях, но сдержался из осторожности. Был шанс, что имперцы прослушивали наши передачи, и в этом случае разговор о плане по воксу мог разрушить мой единственный шанс на выживание. Вместо этого я приказал как можно быстрее доставить летающий транспорт к моей позиции и внушил пилоту представления о срочности его миссии. Он, конечно же, принял мои приказы близко к сердцу: скорость нашего пути обратно могла бы вызвать у меня тошноту, не будь у меня более серьезных причин для стресса и беспокойного желудка.

Я всегда думал, что Экстерминатус — полное уничтожение мира, требовало тщательного обдумывания во всех случаях, кроме самых неотложных, и ни один инквизитор не мог объявить его просто в приступе досады. Конечно, мои старые наставники, рассказывая об этой ужасной мере в арсенале Империиума, ясно дали понять, что ее используют только в крайне тяжелых обстоятельствах, когда рассматриваемая планета безвозвратно потеряна или ее дальнейшее существование представляет немедленную угрозу для остального Империиума. Либо они серьезно заблуждались, либо Карамазов просто не считал, что эти правила его касались. Учитывая его поведение до сих пор, я склонялся ко второму варианту.

Не такого отношения я ожидал от Инквизитора. Как мог Карамазов решиться на такое? Славкенберг должен был быть возвращен в лоно Империи, да, и восстание против Золотого Трона, сколь бы оправданным оно ни было, нельзя было допустить, тем более что я чертовски хорошо знал, что Восстание поддержали слуги Темных Сил. Но переходить сразу к Экстерминатусу после первого же военного поражения, которое, откровенно говоря, было вызвано полной некомпетентностью, а не еретическим коварством? Это было немыслимо. Я было подумал, что Карамазов блефовал, чтобы убедить нас сдаться, да только одной из первых вещей, которые он сказал в своей (все еще продолжающейся, как я быстро проверил, ибо этот ненормальный просто не мог наконец заткнуться) радиопередаче, было то, что «только Бог-Император может даровать спасение нашим жалким душам».

Когда флаер наконец приземлился, мы с Юргеном быстро вскочили со своих мест. Я небрежно поблагодарил пилота (если мы все переживем это, я уже планировал обязательно узнать его имя и дать ему какую-нибудь награду, так как это действительно был впечатляющий полет, но в тот момент я был несколько отвлечен) и бросился наружу. Там нас ждал Джафар, и он жестом велел нам следовать за ним, после чего мы втроем быстро прошли по коридорам. Здание казалось странно пустым, большинство рабочих уехали к своим семьям.

«Вы сказали, что у вас есть план», — без предисловий сказал я главному клерку. — «Объясните».

«Мы с леди Кристабель обсудили ситуацию после заявления безумца», — сказал сектант Тзинча без доли иронии, хотя полагаю, он, по крайней мере, никогда не приказывал уничтожить планету. — «Мы верим, что, объединив усилия моих помощников с самыми опытными членами ее сестринства, мы сможем с помощью колдовства телепортировать группу воинов на борт корабля Инквизитора на орбите. Оказавшись там, с благословения Богов, они смогут остановить Экстерминатус. Мы уже начали приготовления».

Это был смелый план. А еще он был, вне всяких сомнений, еретическим и почти гарантировало самоубийственным для его участников. Но, к сожалению, это был наш единственный осязаемый шанс на выживание. Я подумывал приказать нашим кораблям на орбите попытаться помешать «Пылающему возмездию» провести залп, при необходимости даже протаранив корабль. Но хотя я был практически уверен, что экипажи подчинились бы этому приказу (в конце концов, на планете были их семьи), быстрое изучение ситуации в космосе заставило меня понять, что это было бы бессмысленно. У «Пылающего возмездия» было более чем достаточно огневой мощи для полного уничтожения наших кораблей: была причина, по которой этот корабль сопровождал военные транспорты сам по себе.

Что касается Джафара и Кристабель, которые начали подготовку, не спросив моего одобрения, время играло решающую роль, а безопасность связи не позволила им просто спросить. Даже в гвардии такое проявление инициативы одобрил бы любой знающий свое дело офицер.

«Сколько человек вы могли бы послать?» — спросил я.

«С помощью сэра Юргена для усиления ритуала, около двадцати».

Что означало, что мой помощник не будет одним из переправленных. Жаль: его силы определенно были бы очень полезны в ограниченном пространстве космического корабля.

«На таком корабле должна быть команда из тысяч человек», — заметил я. — «Как всего двадцать солдат могут что-либо сделать?»

«Мы спросили об этом Тесилон-Каппу», — ответил Джафар, который, надо признать, оказался

весьма проворным для бюрократа, сохраняя темп ходьбы без малейших усилий. Хотя он и не был в такой плохой форме, как большинство дронов Администратума, которых я встречал, он все же не был особенно подтянутым, и я задавался вопросом, помогал ли ему в этом адреналин или дары его адского покровителя. — «Он вызвался принять участие в абордажной группе и полагает, что сможет использовать свои навыки, чтобы помочь».

«Понимаю». На мгновение я осмелился надеяться, что все получится. А затем снова заговорил Джафар:

«Конечно, так называемые святые барьеры вокруг корабля обычно сделали бы это практически невозможным с нашими ресурсами, но с душой вашего уровня среди абордажной группы такие препятствия будут несущественны».

Я чуть не упал лицом вниз, услышав это.

«Что вы имеете в виду?» — спросил я, стараясь держать голос ровным.

«С леди Кристabelle связалась ее госпожа, пока мы готовились», — сказал он. «Она сказала, что поможет нам со своей стороны Завесы, но вы должны быть частью ритуала, чтобы благословение Темных Богов способствовало нашим усилиям».

Я хотел закричать и проклясть Эмели, но придержал язык. Теперь от этого никуда не деться: мне придется участвовать в этой самоубийственной миссии, и со мной даже не будет Юргена, чтобы превратить кого-нибудь на нашем пути в кровавую пасту.

С другой стороны, хотя мысль о посадке на корабль Инквизиции по праву наполняла меня ужасом, мои шансы на выживание на самом деле были выше, чем если бы я остался на планете. По крайней мере, я смогу что-то сделать вместо того, чтобы попивать амасек и ждать конца, пытаюсь придумать оправдание Императору, после которого он не зашвырнет мою душу прямиком в Царство Хаоса. И даже если миссия потерпит неудачу и Славкенберг будет уничтожен, у меня все равно будет шанс, пусть и маловероятный, спрятаться на борту «Пылающего возмездия» и сбежать.

Конечно, я собирался сделать все, что в моих силах, чтобы не допустить залпа Экстерминатуса. Я могу сколько угодно быть эгоистичным, лживым трусом, что предал все свои клятвы Золотому Трону для спасения своей жалкой шкуры, но я должен был провести черту хоть где-то, и позволить миллиардам людей умереть в огне только для уничтожения всех следов моих грехов было далеко за ее пределами. Однако, если операция закончится неудачей, то ладно. Нет смысла губить свою жизнь без причины.

Мы втроем прибыли в комнату, где всю происходила подготовка к ритуалу. На белом каменном полу был очерчен ритуальный круг, и вокруг него через равные промежутки времени стояли четырнадцать культивистов: восемь в лазурных одеждах послушников Тзинча, к которым вскоре присоединился сам Джафар, и шесть гораздо более откровенно одетых служанок Эмели. Кристabelle была среди них, и когда я вошел, она кивнула мне с очень милой улыбкой. Я ответил на ее кивок, зная, что Эмели в этот самый момент могла наблюдать за мной ее глазами (довольно таки беспокоящее откровение).

Когда он занял свое место на шестнадцатой и последней позиции в круге, Юрген посмотрел на меня своим по-собачьи преданным взглядом, и я почувствовал необходимость положить руку ему на плечо.

«Я буду осторожен, Юрген», — сказал я, что было абсолютной правдой. — «Не беспокойся: я

вернусь так быстро, что ты заметишь».

Он молча кивнул, затем закрыл глаза и начал медитировать. Я повернулся, чтобы посмотреть на группу внутри круга: кроме Тесилона-Каппы, там было восемнадцать солдат ОАС в полной панцирной броне. Малоне выбрал для этого лучших своих солдат, и это было видно. Каждый из двадцати солдат был неуклюжим животным человеком, что давало мне необычное ощущение того, что я был меньше всех вокруг меня. Все они были вооружены оружием для ближнего боя и стояли по стойке смирно, когда я приближался.

«Вы все знаете, что поставлено на карту», — сказал я им. — «Хотя сама задача будет совсем не прогулкой, наш план прост. Как только мы окажемся на борту вражеского корабля, мы будем следовать указаниям Тесилон-Каппы, чтобы саботировать их возможности проведения Экстерминатуса. Как только это будет сделано, мы используем методы эвакуации их собственного корабля, чтобы свалить к фраку оттуда и обратно на планету».

«Не заблуждайтесь: это будет самое опасное задание, которое любой из нас когда-либо выполнял. С момента нашего прибытия, все, кто не входит в эту группу, должны считаться врагами, которых нужно уничтожить с максимальной скоростью. Нам нужно будет приспособливаться к непредвиденным обстоятельствам и угрозам на лету, в окружении врагов при соотношении сил тысяча к одному, и нам нужно будет действовать быстро, чтобы все это было не напрасно. Но я верю, что вместе мы добьемся успеха и спасем этот мир от безумца, угрожающего ему. Вопросы есть?»

Их не было, что значило, что я не мог больше оттягивать неизбежное. Тем не менее, моя комиссарская подготовка заставила меня добавить:

«Знайте, что если вы падёте сегодня, то будете героями, и вас будут помнить до тех пор, пока стоит Славкенберг». Я закрыл глаза и сказал: «Начинайте ритуал!»

Снова возникло ощущение растущего давления, и Юрген начал черпать безграничную энергию варпа, направляя ее по кругу. Глаза других ведьм начали светиться, когда они изрекали почти неузнаваемые гортанные слова, а затем вспыхнуло что-то, что могло считаться светом в той же мере, что принцесса демонов Эмели - той смертной женщиной, которую я когда-то встретил... и Материум отворил свои двери, дешевая картина была отброшена в сторону, показав ужасающее величие, что скрывалось за ней. Это длилось лишь мгновение; это длилось целую вечность.

Я видел вещи, которые я не могу описать, ибо все, чем я был и когда-либо мог быть, было брошено через Имматиум, пока я не почувствовал вдалеке барьер, который притворялся золотым, но был просто дешевой позолотой, нанесенной на кроваво-красное ржавое железо. Неумолимо приближаясь, я почувствовал внезапный страх, что я разобьюсь об этот барьер и разлечусь на куски, разбросанные по Морю Душ.

Но внезапно я почувствовал сущность, что присматривала за мной, удерживала других хищников в страхе и наконец разорвала позолоченный свет, что стоял на моем пути. Я сразу понял, что защищавшей меня была Эмели. На мгновение я почувствовал пламя ее чувств ко мне, невыносимый жар, угрожавший поглотить все, чем я был.

Затем буйство Эмпиреев внезапно закончилось. Когда ко мне вернулись чувства, я обнаружил, что стою в коридоре, окруженный металлом, вибрирующим под шум далеких двигателей. Гравитация слегка отличалась от гравитации Славкенберга: я был на «Пылающем возмездии». Ритуал сработал.

А потом я понял, что был один. Вокруг меня не было никаких следов солдат ОАС или Тесилон-Каппы.

Фрак.

Моя рука потянулась к коммуникатору, прежде чем остановиться. Игрушки боргов были хороши, но если я беспокоился о возможности перехвата наших сообщений с орбиты, то здесь риск был даже выше. Имперцам даже не нужно было расшифровывать передачу: просто факт ее обнаружения означал бы, что на борту находится кто-то, кого там быть не должно. Я оставил коммуникатор включенным, хотя и надеялся, что остальные, кто смог успешно добраться до корабля, будут достаточно умны, чтобы понять то же самое.

В одиночестве я выхватил оружие и осторожно пошел вперед. Даже своим слухом жителя улья я не мог слышать никого поблизости: мне, похоже, посчастливилось оказаться в незанятой части корабля.

Я вышел из того, что, как я успел понять, было своего рода служебным проходом, идущим параллельно настоящим коридорам корабля, и попал в маленькую прихожую, где несколько проходов сходились перед парой тяжелых украшенных деревянных дверей. Высокий готик, выгравированный на дверях, указывал на то, что они вели к часовой корабля (или, по крайней мере, к одной из них: учитывая, что это был корабль Инквизиции, вполне вероятно, что их было больше).

Двери не были полностью закрыты, и я мог слабо слышать голос, доносившийся с другой стороны. Он казался довольно знакомым, и через мгновение я понял, почему. Даже не веря, что мне могло до такой степени не повезти, я осторожно подошел к входу, намереваясь заглянуть в щель между массивными деревянными дверями, просто чтобы подтвердить то, что подсказывала мне интуиция.

Я так старался не издавать ни звука, что пропустил маленькую лужицу свечного воска, капающую с освещающей комнату люстры. Наклонившись, чтобы аккуратно заглянуть в проем, я поскользнулся и инстинктивно вскинул руки, чтобы восстановить равновесие. К сожалению, двери передо мной были очень хорошо смазаны и в результате распахнулись с оглушительным грохотом, а я, спотыкаясь, влетел прямо в комнату, пытаюсь восстановить равновесие.

Часовня Пылающего возмездия была типичным образцом готической архитектуры: единственный длинный неф с рядами неудобных скамеек, поддерживаемый колоннами, украшенными сценами с торжествующими ангелами наверху и горящими еретиками внизу. В конце комнаты стояла десятиметровая золотая статуя Императора в Его образе Судьи: лицо статуи было застыло в гневной гримасе, а руки в латных перчатках сжимали острием вниз большой меч. У подножия статуи был алтарь, а там, стоя перед алтарем и глядя на меня широко раскрытыми, налитыми кровью глазами, стоял сам инквизитор Федор Карамазов. Сервочереп, что парил рядом с ним, медленно повернулся в мою сторону, пока я стоял там, окаменев.

Потом я вспомнил, что когда совершался ритуал, Карамазов еще продолжал вещать. Это означало, что в этот самый момент вся планета могла видеть меня. Я еще пытался обдумать эту мысль, когда Карамазов наконец оправился от потрясения:

«Ты», — сказал он, вкладывая в одно слово больше ненависти, чем я мог себе представить. — «Кайафас Каин».

Конечно, он узнал меня. Он, вероятно, не знал моего имени по прибытию в систему, если только астропаты не смогли отправить гораздо более подробное сообщение, чем я считал возможным в тех обстоятельствах, но он так же вполне мог просмотреть передачу, что я сделал в ответ на его первоначальное заявление. Это означало, что, если только Карамазов не был настолько глуп или высокомерен, чтобы не передавать вообще никакой информации остальному Империи (что, учитывая его действия до сих пор, было в общем-то вполне вероятно), факт моего участия в Восстании скоро станет известен Комиссариату.

«Инквизитор Карамазов», — ответил я так спокойно, словно просто зашел выпить чаю и поиграть в регицид. — «Я пришел, чтобы помешать вам уничтожить Славкенберг».

Он посмеялся. — «Ты рассчитываешь, что я поверю в это? Я знаю тебя, еретик. Тебе нет дела до жизней твоих последователей. И пришел ты сюда в поисках славы и благосклонности своих темных хозяев за мое убийство».

«Думаете, меня волнует слава?» — недоверчиво ответил я. — «Слава для меня ничего не значит. Я вообще не хочу быть здесь. Точно так же я не хочу, чтобы над Славкенбергом висела угроза, чтобы все на нем рисковали смертью из-за того, что вы не можете смириться с тем, насколько сильно облажались».

«Ты смеешь ?!»

Карамазов обнажил свой силовой меч и бросился в атаку. Я выстрелил из болт-пистолета, но мой выстрел был заблокирован мерцающим полем: у Инквизитора было какое-то персональное силовое поле, защищающее его от дистанционных атак. Я едва успел убрать пистолет в кобуру и ухватиться обеими руками за цепной меч, прежде чем он добрался до меня.

«Ты умрешь первым», — выплюнул он мне в лицо. — «Остальные члены вашего жалкого мятежа могут смотреть на твою смерть и понимать, что они следующие. Никому не уйти от суда Императора!»

Он отдернул свой меч для еще одного удара, который я заблокировал, прежде чем нанести ответный удар, который он отбросил в сторону. Пока мы сражались под каменным взглядом Императора, Инквизитор продолжал разглагольствовать, но я не обращал на него внимания. Каждая частичка моего внимания была необходима просто для того, чтобы остаться в живых. Я был выше Карамазова, но у него было преимущество опыта и фанатичной силы. Что еще более важно, его оружие было намного лучше моего.

Каждый раз, когда наши клинки сталкивались, алмазные зубья моего цепного меча разлетались в стороны, поврежденные энергетическим полем силового меча. Если так продолжится, вскоре мое оружие сломается полностью, и для защиты у меня не останется ничего, кроме болт-пистолета и грубых слов. Мой панцирный доспех не защитил бы меня от силового меча: если бы дело дошло до него, я уже был обречен.

Опираясь на все знания, полученные от моего старого наставника в Схоле Миямото де Бержерака, я поймал направленный вниз удар Карамазова. Меч был так близко к моему лицу, что я почти чувствовал жар его энергетического поля на своей коже, и с воплем ужаса я повернул свой цепной меч вокруг лезвия его клинка, после чего выбил его из рук Карамазова и отправил в полет.

Поток адреналина, струящийся в моей крови, гнал меня вперед. Прежде чем Инквизитор успел среагировать, я ударил изо всех сил, отшвырнув его назад, а от потрошащего удара, который я только что нанес, его кишки начали вываливаться наружу. Он пришел в себя на алтаре у

подножия статуи Бога-Императора, глядя на меня широко раскрытыми глазами, прежде чем его собственный силовой меч вонзился в его череп, пригвоздив его к алтарю и мгновенно убив.

Я тяжело дышал, и даже несмотря на то, что бой длился максимум минуту, мое сердце колотилось так, будто я только что пробежал один из безумных тренировочных курсов, которые сам и разработал для ОАС. Как только я перевел дух, я зачехлил свой цепной меч и направился к алтарю, на котором лежало тело инквизитора. На его шее висел кулон в форме стилизованной инквизиторской буквы «I», цепочка которого была разорвана клинком, убившим его владельца. Повинуясь какому-то безымянному инстинкту, я поднял его и засунул в карман.

«Лорд Освободитель», — сказал сервочереп в этот момент, и я чуть не выпрыгнул из собственных сапог.

«... Тесилон-Каппа?» — спросил я через несколько секунд, потому что не мог придумать никого еще, кто бы мог так со мной связаться. — «Это ты?»

«Да», — подтвердил череп. — «Я рад видеть, что вы в порядке: когда вы не материализовались со мной и остальной частью нашей группы, я опасался худшего».

«Я тоже, когда пришел в себя один», — честно сказал я ему. — «Я рад, что вы тоже справились. Где вы? И если подумать, как вообще ты сейчас разговариваешь со мной?»

«Отвечая на оба ваших вопроса: мы с солдатами достигли инженерной палубы и вывели из строя находящихся там техножрецов. С помощью близлежащих консолей я подчинил машинный дух корабля своей воле: я вижу все, что видит корабль. Весьма бодрит, хотя и утомляет умственно».

Что ж, это было приятно слышать. Я мало что знал о работе звездолетов, но, возможно, он мог бы отвести корабль от Славкенберга, чтобы провести Экстерминатус стало невозможно...

«Я перевел плазменный реактор в режим перегрузки», — продолжил Тесилон-Каппа. — «Он взорвется через двадцать минут, то есть до готовности Экстерминатуса к проведению. Я рекомендую вам покинуть корабль до этого, лорд-освободитель».

Я сдерживался от желания наорать на Тесилон-Каппу, зная, что враждебность к нему могла поставить под угрозу мой единственный шанс выбраться с этого корабля живым.

«У тебя есть доступ к схемам корабля?» — сказал я вместо этого. — «Можешь указать мне, куда идти?»

«Мы направляемся на посадочную площадку на одну палубу ниже вашей нынешней позиции», — немедленно ответил он. — «Я вижу транспорт, который мы можем использовать для эвакуации с корабля: судя по его маркировке, он принадлежал самому Инквизитору, так что никто из команды не посмеет и не сможет подняться на борт без нас. Этот серво-череп проведет вас к нему. По моим расчетам, у нас должно быть достаточно времени, чтобы добраться туда».

Не успели мы закончить разговор, как по всему кораблю завывла тревога, вызванная саботажом плазменного реактора. Сервочереп стал весьма быстро улетать, и я побежал, чтобы не отставать от него, более не глядя на пронзенный труп Федора Карамазова.

Кристабель стояла на посадочной платформе с улыбкой на губах, наблюдая спускающимся с небес боевым кораблем. Даже с такого расстояния она легко могла сказать, что он был более продвинутым, чем все, что она когда-либо видела на Славкенберге, хотя потребуются некоторые косметические модификации, прежде чем он станет достойным своего нового хозяина.

Вокруг нее стояли другие члены Совета Освобождения, а также почетный караул, чтобы приветствовать Спасителя Славкенберга. Она могла слышать звуки празднования со всего Кайнополя, людей, что радовались предотвращению их гибели. Вся планета была свидетелем дуэли Освободителя с Карамазовым, слышала его ярость, когда безумный Инквизитор обещал превратить мир в монумент опустошению, что его мерзкие родичи обрушат на всех, кто посмел бы подняться из-под сокрушительного сапога Империи. А вскоре они увидели огненный шар в небе, когда корабль был уничтожен изнутри. К счастью, Джафар решил немедленно сообщить о выживании Каина, прежде чем мысль о том, что Освободитель мог пожертвовать собой для их спасения, успела укорениться.

Когда угроза Экстерминатуса была устранена, агенты Совета вернулись к работе по решению самых насущных проблем, пока остальная планета праздновала. Сдавшихся гвардейцев переводили в лагеря временного содержания до тех пор, пока не будет готово постоянное жилье. Когда вражеская база на горном курорте опустела, ОАС начали перемещать оставленное снаряжение захваченными транспортом, добавляя к своему арсеналу оставленные танки и тяжелые машины.

Еще до взрыва «Пылающего возмездия» его команда бежала с корабля дождем из спасательных капсул, которые даже сейчас падали на планету подобно метеоритному дождю. ОАС быстро мобилизовались, чтобы захватить выживших, прежде чем они успеют уйти далеко от места высадки, чтобы они не ушли в подполье и не стали новой угрозой для населения.

Между тем, в космосе сразу же после уничтожения имперского флагмана начала действовать оборонительная флотилия Славкенберга. Несколько транспортных кораблей были достаточно далеко от «Пылающего возмездия», чтобы избежать повреждений от взрыва, и были уже на пути к выходу из системы, но оставшиеся три попали под взрыв и были взяты на абордаж. Хотя им не хватало собственной огневой мощи, их захват был первым шагом к распространению веры Совета Освобождения за пределы Славкенберга.

Предстояло многое сделать, но сейчас Кристабель хотела насладиться моментом. В конце концов, таков был путь Слаанеша. Кристабель знала, что ее госпожа наблюдала за всем ее глазами: чувствовала ее присутствие благодаря связи, что установилась между ними в Доме Памяти. Сейчас эта связь только усилилась, ее участие в сегодняшнем великом деле приблизило ее душу к невыразимой славе Эмпиреев.

Когда они выполнили ритуал, она ощутила дополнительный вес миллионов душ, молящихся о спасении, что придало ему еще большую силу. Конечно, план бы сработал и без них, но, по крайней мере, неожиданная поддержка уменьшила нагрузку на Юргена, а также облегчила взятую на себя госпожой задачу охранять дух возлюбленного во время путешествия.

Кристабель не думала, что Освободитель планировал именно так. Но она знала, как жители Славкенберга отреагируют на чудо, которое спасло их, после того как пройдет прилив облегчения и у них будет время все обдумать. Особенно с поддержкой проповедников ее с Джафаром культов, которые контролировали распространение слухов о том, как именно было достигнуто это избавление. Они устремятся к истинным богам, чей защитник встал между ними и уничтожением.

Рампа боевого корабля опустилась, и из него вышел Кайафас Каин в окружении солдат США, переживших операцию. Контраст между их поврежденным боевым снаряжением и его безупречным одеянием говорил о боевых навыках Освободителя — Кристабель была не настолько глупа, чтобы пренебрегать доблестью солдат ОАС, даже если их преданность Богу Войны делала их лишенными воображения невеждами.

Она встала на колени вместе со всеми на платформе.

«С возвращением, мой господин», — сказала она.

Медленно и мучительно пробуждалось сознание, называвшее себя Федором Карамазовым. Память вернулась первой, а вместе с ней и жгучая боль неудачи.

Он был мертв. Каин, этот еретик, убил его. Вспышка фантомной боли пронзила его при воспоминании, как цепной меч ренегата разорвал его на части.

Он потерпел неудачу. Еретик все еще был жив, и если Каин смог добраться до него в сердце его собственного корабля, то он сомневался, что его слуги справились лучше — ибо как они могли добиться успеха там, где даже такой, как он, потерпел неудачу? Таким образом, получалось, что вместо очищения огнем, Славкенберг продолжал быть опухолью ереси в теле Империи.

Он открыл свои спектральные глаза, готовый пасть ниц перед Золотым Троном и покориться суду Бога-Императора.

Но не было ни сияния, ни божественного огня, готового очистить недостойных и переделать блаженных, чтобы они могли стоять рядом с Ним и разделить Его бдение в вечности. Вместо этого были дым и кости, окруженные звуками разврата. В воздухе витали запахи, что он не мог определить, но точно знал, что они нечестивы.

... это был не Золотой Трон.

«Нет», — сказал голос, подобный ножам, разрезающим шелк. — «Совершенно точно не он».

Перед ним двигалась некая сущность. Она была невероятно огромной, даже больше Титанов, которым он когда-то удостоился чести стать свидетелем при сокрушении врагов Трона. Его разум отказывался даже осознать ее внешний вид, показывая ему только пару изумрудных глаз, зловеще сияющих среди моря бурлящих теней.

«Здравствуй, Федор», — сказала сущность. — «Меня зовут Эмели, и ты пытался навредить моему возлюбленному Кайафасу».

«Бог-Император», — пробормотал он, поспешно выплевывая слова, — «защити дух Твоего верного слуги...»

«Анафемы здесь нет, Федор. Он тебе не поможет».

«Нет! Я отдал свою жизнь во служение Ему! Я убил тысячи еретиков во имя Его! Он не оставит меня! Ты лжешь!»

«Мне незачем лгать. Зови Его, сколько хочешь. Он не придет. Не ради тебя, погубившего столь

много невинных».

«Нет невиновных, есть только степень вины! Все, кто умер от моей руки, сделали это во славу Его!»

«Вот как? Ну тогда, я думаю, ты тоже должен быть виновен. Почему иначе ты оказался бы здесь?»

Нет. Нет, это не могло быть правдой! Демон лгал. Все демоны лгали, это все, что делал их вид! Он знал это!

"Но но ..."

«О, не волнуйся». — Мерзость кокетливо усмехнулась. — «В вечности у тебя будет достаточно времени, чтобы осознать масштабы своих неудач».

Когда маленький жалкий призрак, который был всем, что осталось от души Карамазова, был унесен ее демоническими слугами на погибель, Эмили хихикнула про себя. Какой заботливый подарок прислал ей любимый! Разрушать иллюзии Карамазова будет редкостным удовольствием: инквизиторы обычно были слишком унылыми и лишенными воображения, чтобы после смерти оказаться во владениях Слаанеша. Но кто-то столь одержимый и самодовольный, как Карамазов? Совсем другое дело.

Ей определенно нужно было сделать что-нибудь приятное для своего дорогого Кайафаса в качестве благодарности за его подарок. В конце концов, она не хотела, чтобы он думал о ней, как о неблагодарной! Может быть, стоило послать к нему еще одну Служанку? Ему определенно понравилась Кристабель, когда они встретились в том красивом замаскированном храме, что он построил для нее. Или, возможно, это было бы слишком повторяющимся?

Ох! Ох! У нее возникла просто восхитительная идея. Она потребует некоторой работы, но ее возлюбленный будет так признателен! И кроме того, с силой любви, было ли что-то, что она не могла сделать?

<http://tl.rulate.ru/book/89867/2954801>